

“НЕБЕСНАЯ ФИЗИОЛОГИЯ”

К 145-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА А.А. УХТОМСКОГО

© 2020 г. Л. В. Соколова^{а,*}, А. Д. Ноздрачев^{а,**}

^аСанкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

*E-mail: lvokolova2001@mail.ru

**E-mail: a.d.nozdrachev@mail.ru

Поступила в редакцию 03.03.2020 г.

После доработки 20.03.2020 г.

Принята к публикации 08.04.2020 г.

Творчество Алексея Алексеевича Ухтомского (1875–1942) выходит далеко за пределы чисто физиологического знания и являет собой редчайшую, но столь значимую сегодня попытку рассмотрения человека как единого целого, в контексте его биологического, социального и духовного существования. В настоящее время концепция Ухтомского о природе человека, предвосхищающая ряд направлений современных исследований, позволяет не просто глубже понять природу человеческого сознания и механизмы поведения, но по праву считается одной из наиболее перспективных в области человековедения. Она служит примером комплексного, системного подхода к изучению важнейших детерминант жизнедеятельности человека и во многом знаменует смену научных парадигм.

Ключевые слова: А.А. Ухтомский, биосоциальная природа человека, принцип доминанты, интегральный образ, антропосоциогенез.

DOI: 10.31857/S0869587320060110

На протяжении веков человек пытается разрешить великую загадку: кто он есть – творение Божие или венец Природы? Что определяет наши мысли, слова, поступки? Для многих искателей истины призыв античных мудрецов “Познай самого себя” стал путеводной звездой в пути постижения смысла бытия и тайн человеческой природы. В числе таких искателей – выдающийся русский учёный, мыслитель Алексей Алексеевич Ухтомский (1875–1942), творчество которого до недавнего времени прочно связывалось с весьма конкретной областью знаний. Он вошёл в анналы науки как создатель учения о доминанте – главном принципе работы нервных центров, лежащем в основе организации целенаправленного поведения организма в среде. Однако наследие одного из основателей физиологической научной школы Санкт-Петербургского университета выходит далеко за эти рамки. Изучение архивов учёного позволило открыть ещё одну грань его творческого дарования, ставящую А.А. Ухтомского в

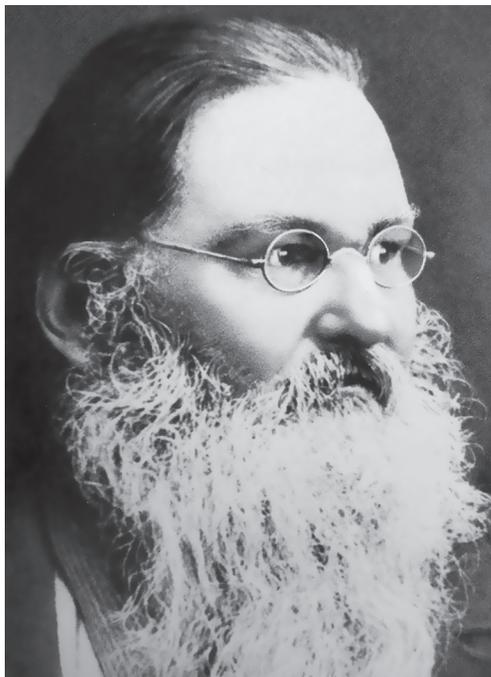
число крупнейших научных, религиозно-философских и социальных мыслителей XX столетия. Будучи энциклопедически образованным, питая склонность смыкать в едином процессе исследования проблемы духовные и естественно-научные, Ухтомский разработал стройное учение о биосоциальной природе человека, в котором человек предстаёт в неразрывном единстве его материальных и идеальных составляющих.

У ИСТОКОВ

Алексей Алексеевич Ухтомский родился 13(25) июня 1875 г. в селе Вослома Арефинской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии. Его отец князь Алексей Николаевич Ухтомский окончил кадетский корпус в Нижнем Новгороде, в течение 10 лет служил на Балтийском флоте. По выходе в отставку женился на Антонине Фёдоровне Анфиловой, выпускнице Павловского института благородных девиц в Петербурге, и поселился с нею в своём родовом имении Вослома, что располагалось в 10 верстах от Рыбинска¹. Кроме Алексея в

СОКОЛОВА Людмила Владимировна – доктор биологических наук, профессор кафедры высшей нервной деятельности и психофизиологии биологического факультета СПбГУ. НОЗДРАЧЕВ Александр Данилович – академик РАН, профессор кафедры общей физиологии биологического факультета СПбГУ.

¹ В 1990 г., в дни празднования 115-й годовщины со дня рождения учёного, здесь был открыт Мемориальный дом-музей академика А.А. Ухтомского.

Алексей Алексеевич Ухтомский. 1930-е годы.

семье росли его сёстры Мария и Елизавета, брат Александр (впоследствии известный в религиозной и политической истории России под именем епископа Уфимского и Мензелинского Андрея); два других брата умерли в младенчестве. В 1876 г. родители приняли решение отдать годовалого Алёшу на воспитание старшей сестре Алексея Николаевича — княгине Анне Николаевне Ухтомской, женщине одинокой, набожной. В её скромном деревянном доме, располагавшемся на окраине Рыбинска за рекой Черемхой, прошли детские годы будущего учёного, едва ли не самые счастливые в его жизни.

Места, где жили князья Ухтомские, издавна слыли одним из главных центров старообрядчества, и психология, пропитанная идеями соборности, пусть ещё не вполне осознанная, с детства впитывалась Алексеем. За годы жизни религиозное сознание Ухтомского прошло трудный путь духовного осмысления — от сочувствия и симпатии к духу староотеческой веры до целостного учения о нравственности. Без понимания значимости этих истоков трудно почувствовать то, что сделано им в науке.

В 1882 г. мальчика отдают в Рыбинскую мужскую гимназию. Однако не закончив полного курса, в 1888 г. Алексей по настоянию матери поступает в Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус — одно из привилегированных военных учебных заведений России, которое некогда заканчивал его отец и куда годом раньше поступил старший брат Александр. Но вскоре для бра-

тьев стал высвечиваться иной путь, и в этом немалую роль сыграла их встреча с отцом Иоанном Кронштадтским, произошедшая на волжском пароходе, когда мать везла сыновей на каникулы домой. Между ними состоялась долгая беседа, после чего братья приняли для себя решение круто изменить свою жизнь и поступить в Московскую духовную академию.

Но была ещё одна альтернатива в выборе жизненного пути. Как вспоминал позднее Алексей Алексеевич, именно в кадетском корпусе у него пробудилась тяга к науке. Многие преподаватели, люди неординарные, помимо специальных знаний развивали у слушателей интерес к вещам более сложным, стремились сформировать у них определённое мировоззрение. Ухтомский увлекается философией, психологией, пытается найти ответы на вопросы о природе детерминант поведения человека, уяснить законы познания им окружающего мира, выявить сущность этических проблем человеческого существования. Его интересует психология религиозного опыта, доказательства почти биологической оправданности этой стороны духовной жизни человека. Чем объяснить устойчивость религиозных верований в истории, равно как и тот факт, что глубинные религиозные переживания конкретного человека дают ему высокую степень душевного комфорта и стабильности поведения? Почему люди веруют, несмотря на гонения, лишения, отдавая порой за веру свою жизнь? В конце концов, почему в течение веков живёт в народе спасительная идея “горного края”, не позволяющая ему опускаться до скотского состояния и заставляющая самого человека постоянно заботиться о собственной духовной чистоте? Не есть ли вера естественный и необходимый закон жизни человека?

НАУКА ИЛИ РЕЛИГИЯ?

В 1894 г. Алексей Ухтомский поступает на словесное отделение Московской духовной академии. В период обучения он настойчиво продолжает самообразование в области философии и психологии, однако пребывание в академии ещё более обостряет душевный конфликт: наука или религия? какое поприще выбрать? И уже тогда он решает совместить две жизненные траектории, не видя в этом противоречия.

Характер мировоззрения Ухтомского ярко отразился в его выпускном сочинении “Космологическое доказательство Бытия Божия”. Здесь проявился ещё один круг интересов — естественные науки. Познание законов мироустройства не мыслилось им без рассмотрения проблем эволюции органического мира, стремления выявить связи и взаимодействия в живой природе.

Семья Ухтомских. Второй слева – А.А. Ухтомский.

В общественном сознании второй половины – конца XIX в. значительное внимание привлекала “естественность” во всех её проявлениях. Это было связано прежде всего с широким проникновением в обиход биологических понятий. Активно развивается философия естествознания в попытке создать фундамент для нового взгляда на природу вообще и человека в частности. Но что удивительно: в таких сферах, где менее всего можно было ожидать “естественного объяснения событий”, например в богословии, намечались те же тенденции – стремление перейти от привычных рассуждений о “сверхъестественном” к понятию “естественного” к области духовной жизни человека. Это сближение богословия с духом науки, в которой понятие “естественности” занимает едва ли не определяющее место, Ухтомский считает самым дорогим приобретением для развития человеческой мысли.

“Два пути, две сокровищницы мысли, – записал он в дневнике тех лет, – известны мне и со-

временному мне человечеству, в которых оно может черпать ответ на вопросы жизни: первый, завещанный мне воспоминанием и лучшим временем юности, – путь христианской и святоотеческой философии; второй – в науке, которая и есть метод по преимуществу. Почему, откуда это роковое разделение путей, имеющих одну цель впереди себя? Не составляют ли эти два пути по существу одно? – вот вопрос, всю полезную важность которого я пойму, вероятно, лишь когда буду ближе к его решению, но которым занимаюсь прежде всего” [1, с. 71].

Ухтомский полагает, что религиозный опыт, исторический и личный, необходимо включить в сферу научного познания. Физиология, психология и история религиозного опыта – вот те области, в которых может быть намечен прорыв в истинном понимании природы человека.

Ухтомский начинает отчётливо осознавать, что дальнейшее изучение этих вопросов невозможно без специального и углублённого изуче-

ния основ нервной деятельности и физиологии поведения. Причём он понимает необходимость комплексного изучения этих проблем, которое подразумевает рассмотрение человека во всей совокупности его биологических и духовных составляющих. «Мы привыкли думать, что физиология — это одна из специальных наук, нужных для врача и ненужных для выработки миросозерцания. Но это неверно. Теперь надо понять, что разделение “души” и “тела” имеет лишь исторические основания, что дело “души” — выработка миросозерцания не может обойтись без знания “тела” и что физиологию надлежит положить в руководящие основания при изучении законов жизни (в обширном смысле)» [1, с. 43].

НИТЬ АРИАДНЫ

Осенью 1900 г. А.А. Ухтомский становится студентом естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Своим основным интересом он ставит познание различных уровней взаимодействия организма со средой и выявление законов организации целостного поведения. С этой целью он начинает специализироваться в физиологической лаборатории Н.Е. Введенского, ученика и преемника И.М. Сеченова, заложившего основы университетской физиологической научной школы.

Весной 1904 г., во время подготовки животных к демонстрации опытов на лекциях Введенского по физиологии нервных центров, Ухтомский столкнулся с интересным, но необъяснимым фактом. На лекции предстояло продемонстрировать студентам элементарную модель рефлекторной дуги: электрическое раздражение определённого участка коры головного мозга собаки должно было вызвать столь же определённое движение задней конечности животного. Но на сей раз демонстрация не удалась — в простую и, казалось бы, однозначную рефлекторную реакцию вмешалась какая-то сила, полностью изменившая ответ организма: вместо ожидаемой двигательной реакции животное совершило совсем другое действие, не ассоциированное с раздражаемым нервным центром. Но, как говорится, “случай посещает тех, кто его ищет” — замкнулась некая логическая цепь рассуждений. Движимый установкой рассматривать явления в их целостности и взаимосвязи, Ухтомский увидел здесь не “ошибку опыта”, но одну из самых существенных закономерностей в работе нервных центров.

Закончив университетский курс с дипломом I степени, осенью 1906 г. Ухтомский был зачислен на должность лаборанта физиологического кабинета. Отныне основная направленность его научных поисков — изучение природы интегративной деятельности мозга как целостного обра-

зования. В мае 1911 г. он защищает магистерскую диссертацию “О зависимости кортикальных двигательных эффектов от побочных центральных влияний”, в которой уже содержится прообраз его теории доминанты как главного межсистемного принципа работы мозга, обеспечивающего организму возможность активного, целенаправленного взаимодействия со средой. Ухтомский ставит перед собой вопрос: чем определяется функциональное состояние организма и как оно влияет на его ответную реакцию? И приходит к выводу, что возможность осуществления организмом той или иной целенаправленной деятельности зависит от тончайшей динамики процессов возбуждения и торможения в нервной системе. Если в каком-то её отделе появляется своеобразный очаг повышенного возбуждения, то он начинает втягивать в орбиту своей активности энергию других нервных центров и одновременно тормозит возможность появления иных фокусов активности. В итоге формируется некий “функциональный орган”, энергичный по своей природе, который объединяет в едином функциональном задании нервные центры, расположенные на различных этажах головного и спинного мозга. Его наличие и будет определять функциональное состояние организма в данный момент времени и вместе с тем векторную направленность поведения.

Однако связывать истоки формирования представлений Ухтомского о значимости доминантных явлений в деятельности организма только с чисто физиологическими константами не совсем правильно. Как справедливо считает В.П. Зинченко [2], в разработке принципа доминанты огромную роль сыграло религиозное сознание учёного. Ухтомский с юных лет глубоко проникся идеями православной патристики и исихастской антропологии и был приверженцем старообрядческого течения в православии, во многом базирующегося на аскетической традиции исихазма. В исихазме (от др.-греч. — ἡσυχία, спокойствие, тишина, уединение) было детально разработано представление об энергичной сущности человека. Согласно ему, человек представляет собой упорядоченное единство всевозможных и разнонаправленных энергий. Более того, в качестве центрального конструкта исихастского опыта выдвигалось понятие процесса постепенного, динамического преобразования энергий человека, что связано с проблемой развития человека как системы, открытой для постижения высшего смысла бытия. Идея развития мыслилась в исихастской традиции как ступенчатый процесс, в рамках которого выстраивается череда меняющихся способов организации “энергичного человека”. Метафорически это осмысливалось в виде вертикали, лестницы, каждой ступени которой соответствует свой энергичный образ человека,

складывающийся из совокупных функциональных потенциалов организма. Это выстраивание восходящей иерархии энергоформ сродни динамике самоорганизации, структурирования хаоса — понятий, положенных в основу синергетической парадигмы [3].

Именно заложенные в исихазме идеи о развитии как восхождению от низшего, природного, к высшему, духовному (в конечном счёте — к Богу) обусловили и то, что принцип доминанты как общий, системообразующий принцип организации всех уровней взаимодействия организма с окружающей средой был положен Ухтомским в основу построения целостной концепции биосоциальной природы человека. Доминанта — мощное по своим потенциалам энергетическое образование, и эволюция её уровней идёт от формирования низших доминант, обуславливающих возможность удовлетворения физиологических потребностей организма, до высших форм, направляющих духовную жизнь человека и общества в целом.

Однако выступить с сообщением об открытии нового принципа Ухтомский решился только после смерти Н.Е. Введенского. В 1923 г. в “Русском физиологическом журнале”, на страницах которого присутствовал его некролог в связи с кончиной учителя, была опубликована и программная статья Ухтомского “Доминанта как рабочий принцип нервных центров”. Ухтомский с самого начала рассматривал предложенный им принцип доминанты как междисциплинарный, выводя его за рамки узкоспециального физиологического закона, увязывая его с фундаментальными вопросами человеческого бытия и познания, личной социальной сущности, распространив этот принцип на наиболее сложные формы психического отражения действительности и духовной жизни личности.

В 1923—1927 гг. выходит ряд работ, в которых Ухтомский намечает разные линии рассмотрения действия доминанты на уровне целостного поведения, затрагивая при этом физиологические, психологические и этические аспекты. Вместе с тем для многих современников его поистине гениальные прозрения в области изучения природы поведения и психики человека так и остались лишь проявлениями “философствующего разума”, не имеющими отношения к “фактологическому” полю науки. В них не увидели единой логики рассуждений, не узрели (или не захотели узреть) тех намеченных Ухтомским магистральных линий в изучении природы человека, которые позволяли представить его поведение в единой целостности биологических, психологических и социокультурных составляющих.

На то были вполне осязаемые причины. В 1930-е годы о многих проблемах, которые поднимались Ухтомским, говорить было попросту

опасно. В стране царил диктат не только политической, но и научной доктрины, партия “узаконила” только одно имя — великого И.П. Павлова. Его учение об условных рефлексах было провозглашено единственно правильным, способным объяснить поведение и низших животных, и человека. И хотя сам Иван Петрович в конце жизни стал прекрасно понимать, что не всё в поведении высших животных, в том числе и человека, можно объяснить с точки зрения простых рефлекторных реакций, власть предрешающие взяли на шит только один удобный им тезис: “Рефлексы — везде рефлексы”. А это значит, что путём выработки новых (“нужных”) рефлекторных реакций можно управлять поведением организма. Вот это-то в полной мере и было воспринято властью, поскольку оправдывало её устремление на создание людей “нового типа”, на контроль и руководство действиями и мыслями человека. На внутренний мир человека, его психическое, духовное начало был наложен запрет, а тех, кто имел смелость браться за изучение природы души, — а среди них был и Ухтомский — подвергали гласному и негласному гонению. Нет, у Ухтомского не отнимали возможность публиковать свои работы, их просто ограничивали сугубо физиологической тематикой. Даже в собрание его сочинений, которое вышло в 1950—1962 гг., оказались включены только эти официально пропущенные статьи и материалы [4]. Лишь в 2015 г. в издательстве Санкт-Петербургского университета была издана книга его статей и выступлений разных лет, куда вошли как известные, так и неизвестные ранее работы учёного, позволяющие проследить направленность его научной мысли в разные периоды жизни [5].

Вместе с тем значимость идей Ухтомского для современного уровня развития знаний о человеке неоспорима. Сегодня принцип доминанты должен рассматриваться как ведущий фактор антропосоциогенеза. Человек и среда — важнейшие для осмысления жизни понятия — в представлении Ухтомского неотделимы друг от друга. С точки зрения биологии человек буквально пропитан “эволюционной культурой”, то есть несёт в себе лучшее из достигнутого природой на трудном пути развития. При этом среда для человека — не просто объективная пространственно-временная реальность, но особое биосоциокультурное пространство. Внешняя среда неминуемо несёт на себе отпечаток многовекового опыта взаимоотношений человека с миром, она уже субъективно опосредована вмешательством предшествующих поколений, а стало быть, всегда предстаёт в контексте культуры, объединяющей как индивидуальный, внутренний мир человека — это “зазеркалье”, так и коллективное бессознательное, которое Ухтомский называл “преданием отцов”, “опытом предания”.

Для Ухтомского биологическое, психическое и социальное в человеке, а в конечном счёте биология и культура, выступают как неразрывная амальгама, части единой и нераздельной природы человека. Недаром все научные искания учёного были направлены на выявление тех основополагающих законов работы мозга, которые обеспечивают сложные формы отражения действительности и духовной жизни личности.

ИНТЕГРАЛЫ СРЕДЫ – ИНТЕГРАЛЫ ОПЫТА

Для того чтобы лучше понять суть идей Ухтомского относительно природы человека, обратимся к тому, как он представлял действие доминанты на уровне целостного организма.

В каждый момент времени на организм действует огромное множество разнокачественных средовых стимулов, которые наш мозг мгновенно объединяет в некий первичный синтез – единый комплексный образ среды, отражающий характер наличной ситуации. Целостность нашего восприятия Ухтомский считал универсальным свойством процесса отражения внешнего мира. Вместе с тем он подчёркивал не менее важное свойство нашего восприятия – его избирательность как способность отражать мир в соответствии с текущими потребностями организма. Наличная потребность вызывает появление в нервной системе первичного доминантного фокуса (очага) мозговой активности, который, набирая энергетическую силу, начинает вовлекать в эту активность всё новые и новые нервные центры, формируя в итоге рабочую констелляцию (созвездие) пространственно разнесённых мозговых участков, которая работает на единое функциональное задание и тем самым обеспечивает единый вектор поведения.

Но для того чтобы сформировалась адекватная программа действий по удовлетворению текущей потребности, требуется не менее важное звено – актуализация памятного фонда организма, которая ориентирует организм на использование предшествующего опыта для решения насущных задач. В результате сопоставления прошлого и настоящего, то есть памятного фонда и сформировавшегося комплексного образа среды, из общего объёма поступающей информации организм отбирает лишь тот информационный компонент, который по прошлому опыту является значимым с точки зрения успешности удовлетворения в будущем сходной потребности. В итоге этого сопоставления складывается новый, вторичный синтез – субъективно окрашенный интегральный образ как некий проект деятельности (поведенческая программа, осознанная образ-идея), отражающий возможный, то есть вероятностный, характер разворачивания событий.

Проверка правильности выбранного образа-проекта, его соответствия реальности и текущим запросам организма есть дело конкретного опыта. И здесь вступают в силу наши эмоции: с их помощью человек оценивает результаты деятельности и степень успешности выполненных действий. Если программа выбрана правильно и человек достигает намеченного, то сформированный интегральный образ в качестве полноценного и перспективного для будущего использования компонента поведения входит в памятный фонд организма. При неудовлетворительном результате происходит корректировка интегрального образа – пересмотр информационной составляющей наличной среды и поиск иных средств решения задачи, равно как и повторный анализ следового фонда организма с целью выявления более приемлемых способов её решения.

Эта способность постоянного порождения “нового”, по Ухтомскому, является одним из ярких проявлений творческой функции мозга. Он писал: “Из известных до сих пор фактов синтезирующая мысль строит проект действительности. Хорош ли он, скажет будущее: будущее приведёт к столкновению с фактами, ещё не изученными и подлежащими учёту. Но если проект так или иначе сложится, это значит, что для него были достаточные основания, лежащая за ним доминанта и установка имела данные для себя. И, строя проект (интегральный образ действительности), человек побеждал, борясь за осуществление этого проекта, т.е. строил будущее. Через человека бытие строит своё будущее, ибо человеку дано не только строить проекты по прошлому, но и бороться за внесение их в будущее” [1, с. 440]. В интегральном образе как живом, динамическом образовании виртуально совмещаются прошлое, настоящее и будущее, образуя единый пространственно-временной континуум жизнедеятельности человека.

Эти бесценные идеи Ухтомского о ведущей роли образа в формировании биосоциокультурного пространства человека практически переворачивали традиционную парадигму относительно основ его познавательной активности. Взамен устоявшегося в веках представления о процессе познания как дискретно-линейной зависимости – от анализа к синтезу – Ухтомский выдвинул истинно революционное представление о процессе познания как отражении диалектически непрерывного круга – от складывания первичного сенсорного синтеза через анализ прошлого опыта и текущих потребностей организма к формированию вторичного, уже предметно ориентированного синтеза (образа) как некой выработанной программы-прогноза будущих действий.

ЧЕЛОВЕК – СУЩЕСТВО ПО ПРИРОДЕ СВОЕЙ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЕ

Величайшая заслуга Ухтомского состоит в том, что, выявив системообразующую роль интегрального образа в формировании целенаправленного поведения человека, он впервые с новых позиций обосновал глубокую психофизиологическую подпочву таких понятий, как осознанная образ-идея, идеал, общественно значимые идеалы-цели, отнеся их к важнейшим детерминантам социального поведения человека и общества. Отсюда и сама культура предстаёт для Ухтомского не как статичное образование, а как динамически развивающееся целое, в основе которого лежит квинтэссенция человеческих идеалов и плодов реальной деятельности людей, ведомых этими идеалами.

Нельзя не признать, что наше время – время крушения идеалов. Раскритиковав и выкинув на “политическую помойку” те идеалы, которыми многие десятилетия жило наше общество, равно как до этого отправив на “свалку истории” те вне-временные идеалы, которыми век от века питалась душа человеческая, мы, по сути, нарушили естественные законы существования (и выживания!) человеческого сообщества. Ухтомский писал, что “идеализм, непрестанное построение идеальных проектов, вера в эту идеальную будущую реальность как в осуществляющийся факт, хотя бы для близорукого осязания казался прозрачным и обманчивым предвосхищаемый зрительный образ, – это всё прямые следствия нашего физиологического *modus operandi!*” [1, с. 164].

Отсюда нормальное положение веры в человеческой природе. Ухтомский не раз говорил, что человек – существо идеалистическое по своей природе, он не может жить без идеалов. Так устроена природа нашей психики, что идеал – желанный, искомый, манящий, в котором находит отражение великая дихотомия “Я” и “Мы”, всегда обеспечивает вектор нашего социального поведения. Он не может быть подменён сиюминутным образом желаемого, полезного и выгодного для человека – тем, что удовлетворяет его эгоистические интересы. Идеал – это всегда стремление к чему-то высшему, это всегда возрастание через себя к тому, что выходит за рамки простого, единичного человеческого существования. В идеале заключена важнейшая нравственная константа нашей жизни, через него должны преломляться и им опосредоваться все индивидуальные устремления. От того, каково будет содержание и смысл этих идеалов, зависит вектор духовного развития как самого человека, так и общества в целом.

На принципе “творческой идеализации” построены и выработанные А.А. Ухтомским законы общения – закон Двойника и закон Заслуженного собеседника, которые отражают два типа ори-

ентаций человеческого сознания и поведения и в основе которых лежат два рода доминант. Двойник выявляет в человеке “доминанту на своё лицо” (видение мира сквозь призму индивидуальных доминант, эгоистическая сосредоточенность на себе), но это является психофизиологически оправданным состоянием человека, обуславливающим субъективность нашего восприятия. Однако если подобный способ отношения к миру станет привычным и устойчивым, то человек оказывается творчески “неплодным”: он теряет ведущую константу своей природы – утрачивает способность познавать мир и окружающих людей во всей полноте их проявлений. Всему мешает собственное “Я”, вокруг которого концентрируется и обобщается опыт жизни.

Вместе с тем человек живёт в обществе, он связан в этом мире сложнейшей системой человеческих взаимоотношений. Если человек замкнут в рамках только собственного “Я”, – состояния статичного, консервативного, монологичного, то и остальных он начинает судить по себе. Весь мир для него наполняется Двойниками, которых он же и осуждает (а по сути, осуждает самого себя!), здесь нет места диалогу равных. Поистине, собеседник является нам таким, каким мы его заслужили, с позиций наших собственных нравственных потенций и перспектив.

Чтобы разорвать этот порочный эгоистический круг, человек должен постоянно стремиться сформировать у себя “доминанту на лицо другого”, которая строится на активном и заинтересованном общении с другим человеком, на признании неповторимости и уникальности его личности, на видении лучших черт собеседника. Тогда впервые и появляется возможность диалога. Способность к диалогу, к пониманию другого Ухтомский считал одним из лучших проявлений человеческой природы.

Человека, говорил Ухтомский, надо уметь оценивать не со стороны его “задворков”, а со стороны “алтарей”, то есть всего лучшего, позитивного, что человек привносит и может привнести в этот мир. Для того чтобы иметь возможность оценивать людей со стороны их “алтарей”, каждый из нас должен обладать даром “творческой идеализации”, мы должны поистине “творить” своего собеседника, наделяя его всем лучшим, что мы хотим видеть в нём. Такое творческое общение, при котором человек становится открытой системой, ориентировано как на нравственное совершенствование самого человека, так и (по принципу обратной связи) на духовный рост другого участника диалога.

Ухтомский считал, что законы Двойника и Заслуженного собеседника действительны не только на уровне межличностных отношений: они определяют и уровень социального развития об-

щества. Любая социальная система, как модель этической организации общества, может быть открытой или закрытой, динамически развивающейся или застойной — всё зависит от содержания тех идеалов, которыми живёт общество, от конкретных путей их осуществления, в конечном счёте от того, что вкладывается людьми в понимание счастья, любви, возмездия и милосердия.

Потому и задачи воспитания духа, онтогенеза духа Ухтомский считал в системе передачи духовного опыта крайне важными, ибо каждый человек в конечном счёте ответственен за судьбу мира. Именно передача традиций (в самом широком смысле слова), по его мнению, является основой воспитания духовного потенциала человека. Трансмиссия культуры осуществляется, в первую очередь, посредством переданного слова, образа, в которых заключено всё выношенное человечеством знание о мире. Ухтомский говорил, что история никогда не бывает только прошлым — она всегда направлена в будущее, в ней заложен определённый вектор развития культуры и общества в целом.

Хочется верить, что придёт время, когда мы до конца прочувствуем смысл идей Ухтомского о единой природе человека, и тогда нам откроется, что культура не может быть некой надстройкой над биологическими формами существования человека. Биология и культура суть важнейшие (и неразрывные!) корни нашего бытия. И тогда мы поймем, что нравственность, принципиально предполагающая строительство идеалов, — это не эфемерная категория, порой очень уж обременительная для современного технократического индивидуума, но естественный закон жизни человека и человеческого сообщества.

По А.А. Ухтомскому, исходная система элементов нравственности, по которым живёт человеческое общество, неписанные законы его морального общежития — это “предание отцов”, освящённое традицией духовное наследие прошлого. Но эти моральные регуляторы отношений возрождаются к жизни лишь через индивидуальное осознание каждым конкретным человеком смысла собственного существования, лишь будучи пропущены, преломлены через его собственные доминанты жизни и поведения. Значение подобных невидимых и неделимых нравственных эталонов жизни, в которых сконцентрированы искомые человечеством высшие идеалы “должного, жданного, предвидимого”, огромно — они являются двигателями его духовной эволюции.

Пути истории проходят через каждого из нас, и история развивается и обогащается через индивидуальный опыт каждого человека, через глубинное, личностное переживание и познание им Истины, Добра и Красоты. И этим А.А. Ухтомский поднимал человека до высот космического

видения, связывая духовную нравственность каждого конкретного человека со всеобщим прогрессом человечества, видя в ней основную линию его эволюционного развития. Когда идеи Ухтомского называли “небесной физиологией”, а его самого “человеком не от мира сего”, — в этом была своя правда, ибо в то время, когда рушились алтари на многострадальной земле и в душах людей, Ухтомский не переставал размышлять о высочайшем значении нравственности, о вечной и непреходящей ценности каждой человеческой жизни, о глубочайшей личной ответственности за судьбу мира.

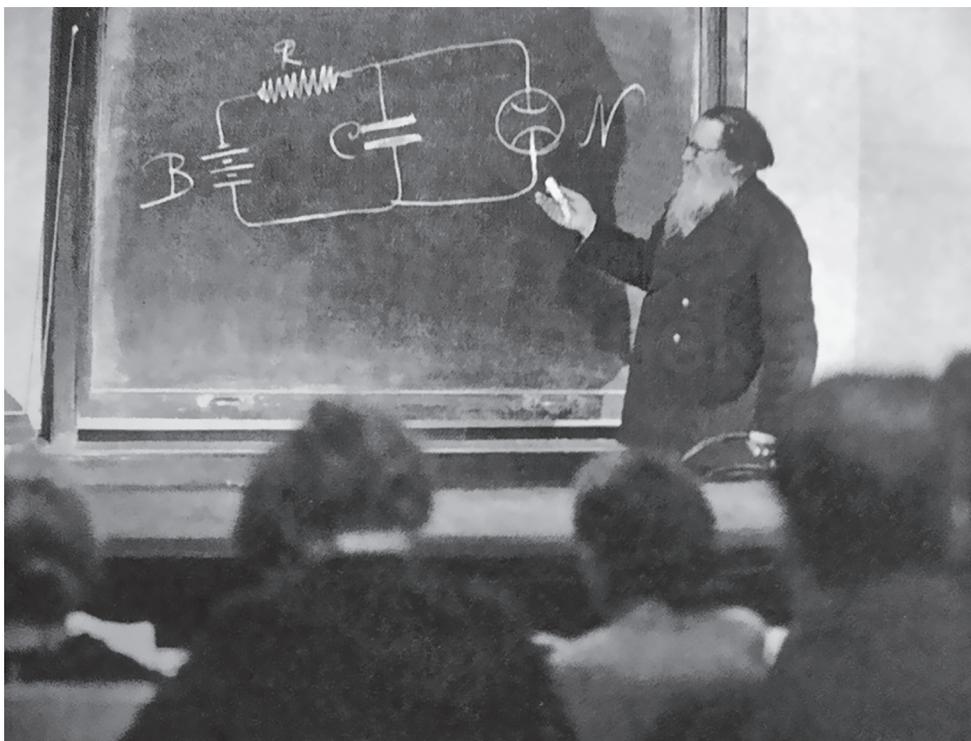
МОНАХ В МИРУ

Судьба учения Ухтомского полна внутреннего трагизма: в отличие от прочно закрепившейся в науке павловской парадигмы в изучении поведения человека, учение Ухтомского осталось, по сути, невостребованным, да и попросту ненужным. В XX веке не нашлось места его целостному мировоззрению, основы которого корнями уходят в религиозную русскую философию. Ухтомский со своими теориями не вписался в эпоху строительства социализма, в эпоху столкновений и противостояния всех и вся.

Обладея удивительным даром исторического предвидения, он глубоко понимал причины и следствия тех политических и социальных катастроф, которые потрясали его страну. Но в любую минуту он был и оставался истинным патриотом, веря в живительные силы русского народа. “Всецело предан я народу, — писал Ухтомский, — ибо я его частичка, в его великом море я только всплеск волны, как и все мы, идущие к великому свету, который засияет над народом, ибо выношен его поколениями и бесчисленными болезнями сердца на великом, тесном и трудном пути” [6, с. 283].

Его личная жизнь также была полна трагизма. Несмотря на, казалось бы, внешнее признание (в 1922 г. он возглавил кафедру физиологии, в 1931 г. был удостоен премии имени В.И. Ленина, в 1932 г. основал в Ленинградском университете Физиологический институт, в 1935 г. избран действительным членом АН СССР), Ухтомский в научной среде оставался очень одиноким человеком. Лишь изредка судьба дарила ему минуты живительного общения с “заслуженными собеседниками” — близкими по духу людьми, студентами. Да и то больше не на людях, а сокровенно — в письмах, которые являют собой пример удивительно высокого стиля человеческого общения, реально исповедуемой “доминанты на лицо другого”.

В 1928 г. в письме к своей ученице Е.И. Бронштейн-Шур Ухтомский напишет: “Если у меня

А.А. Ухтомский читает лекцию студентам Ленинградского университета. 1934 г.

жизни было и есть что-то хорошее для встречаемых людей, то это хорошее, по-видимому, в том, что я глубоко и до конца верю в великий смысл жизни и в людей; и в том, что я соблюл в себе благоговение к человеческому лицу, которое выше всего и неповторимо, а обязательства перед ним вечны. Всё остальное для него, т.е. чтобы жив был возлюбленный человек, — чтобы поднимался, расцветал, бодрился и нёс радость в жизнь других и в бытие” [6, с. 281].

Но у университетского начальства, да и у власти в целом, был на Ухтомского свой взгляд. Ещё в 1920 г., искренне поверив в призыв к обновлению университетского образования, Ухтомский предложил ввести в программу обучения общеобразовательный (пропедевтический) курс “Введение в физиологию”, который был бы ориентирован на студентов различных факультетов и отражал главную идею — необходимости интеграции гуманитарных и естественно-научных знаний в общем процессе познания природы и человека. В центре его внимания — человек во всей сложности начал, определяющих его природу, — от биологических предпосылок поведения и психики до социокультурных детерминант жизнедеятельности. Итоговым же аккордом курса должна была стать глава о человеческой личности, раскрывающая естественные корни духовной и социальной жизни человека и представляющая “доминанту на лицо другого” как основу нравственного пове-

дения человека, как его высшую, биологически оправданную (“естественную”) потребность, определяющую и прогноз развития общества. Но этот курс Ухтомскому так и не удалось воплотить в жизнь: он был запрещён руководством университета как вредный, уводящий студентов от решения конкретных, практических задач строительства “светлого социалистического будущего”.

Осенью 1920 г. Ухтомский был арестован в родном ему Рыбинске, препровождён в Ярославль, где только чудом избежал расстрела, а затем в Москву, в особое отделение ВЧК на Лубянке [7]. Причина ареста — обвинения в организации контрреволюционного союза. Лишь в начале 1921 г. его освободили за недоказанностью вины. В мае 1923 г. Ухтомский был арестован вторично, уже Петроградской ЧК. На сей раз причиной ареста явилось “сопротивление изъятию церковных ценностей” (Ухтомский много лет был старостой Никольской единоверческой церкви в Петербурге).

Аресты Ухтомского повлекли за собой и рассмотрение в руководящих кругах вопроса о дальнейшем пребывании его в стенах университета. Его оставили там, но со многими оговорками, и клеймо “политически неблагонадёжного профессора” прочно закрепилось за ним. “Небесная физиология” — да, именно так, свысока, насмешливо и пренебрежительно порой отзывались представители клановой науки об учении Ухтомского, тем самым намеренно предавая забвению всё то

ценное, что было заложено им в фундамент комплексной науки о человеке.

1942 год стал последним в жизни выдающегося учёного. Когда началась Великая Отечественная война и возникла опасность блокады Ленинграда, Ухтомский не единожды отказывался от эвакуации. Он продолжал свою работу и в осаждённом городе, руководя важнейшими исследованиями оборонного значения, связанными с проблемами патогенеза и терапии шоковых состояний, поиском стимуляторов, с выбором оптимальных мер по устранению повреждений нервной системы, заживлению ран и ожогов. Активно переписывался он и со своими учениками, ушедшими на фронт или отправленными в эвакуацию.

Ухтомский умер в одиночестве 31 августа 1942 г. В его похоронах на знаменитых «Литераторских мостках» Волковского кладбища, где пятью годами раньше он выступал на открытии памятника на могиле И.П. Павлова, участвовала небольшая группа коллег — физиологов и биологов. Дихотомия жизненных и творческих путей И.П. Павлова и А.А. Ухтомского, двух действительно крупных русских учёных, стала своеобразным символом эпохи.

Сегодня с очевидностью становится неоспоримым вклад, который внёс А.А. Ухтомский в развитие физиологической научной школы Санкт-Петербургского университета [8], в постановку и решение научных проблем, касающихся комплексного изучения человека [9]. Новому поколению исследователей ещё предстоит открыть для себя Ухтомского, в том числе и в духовном плане. Его творческое наследие несёт в себе огромный интеллектуальный и нравственный потенциал, живительную «мысль сердца» — главный источник личного духовного роста. Это ощу-

щали те, кому выпало счастье лично знать замечательного учёного [10, 11]. Не менее благодарные чувства испытывают и те, кто уже в наши дни соприкоснулся с его наследием, с его бесценным даром живого собеседования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ухтомский А.А.* Заслуженный собеседник: Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997.
2. *Зинченко В.П.* Гипотеза о происхождении учения А.А. Ухтомского о доминанте // *Человек*. 2000. № 3. С. 5–20.
3. *Хоружий С.С.* Очерки синергической антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.
4. *Ухтомский А.А.* Собрание сочинений. В 6 т. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1950–1962.
5. *Ухтомский А.А.* Статьи и выступления разных лет. Заметки на полях. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015.
6. *Ухтомский А.А.* Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Советский писатель, 1996.
7. *Меркулов В.Л.* Алексей Алексеевич Ухтомский: Очерк жизни и научной деятельности (1875–1942). М.; Л.: Наука, 1960.
8. *Ноздрачев А.Д., Ланицкий В.П.* Феномен истории естествознания. Кафедра общей физиологии Санкт-Петербургского университета. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.
9. *Соколова Л.В.* А.А. Ухтомский и комплексная наука о человеке. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010.
10. А.А. Ухтомский в воспоминаниях и письмах / Сост. Ф.П. Некрылов. Под ред. А.С. Батуева и Л.В. Соколовой. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1992.
11. *Аршавский И.А.* Мы все равноправны друг перед другом. Воспоминания об А.А. Ухтомском. Смысл и судьба доминанты нравственности. Рига: Педагогический центр «Эксперимент», 2002.